

По мере того как заполнялся «Коридор воспоминаний», Су Е заметил, что взгляд Су Е на экране начинает постепенно совпадать с тем, каким он видел себя в глубинах собственного сознания. Воспоминания нескончаемым потоком вырывались из запечатанного в душе ларца. Он постепенно вспомнил, как одиноко ждал в этом непроглядном, лишенном света мире, и от этих картин его голова начала раскалываться от невыносимой боли.

— Хватит! — внезапно рявкнул Су Е.

Он резко взмахнул рукой, и сгусток демонической энергии ударил по голографическому экрану, исказив изображение.

Су Е тяжело дышал, на его лице застыло выражение почти физического отвращения.

— Смотреть на это ничтожество, которое умеет только вилять хвостом перед хозяином...

Су Е ткнул пальцем в экран, где смотрела на мир его собственная кроткая копия, и в его голосе прозвучало глубокое презрение к самому себе:

— Тошнотворно.

Повелитель демонов, который обрел независимую личность и гордую душу, испытывал почти сводивший с ума стыд при мысли о том, что когда-то был всего лишь электронным питомцем для развеивания скуки.

Но еще невыносимее было другое... Взгляд этой пустой оболочки без души, полный привязанности к Цзян Чэну, каким-то образом совпадал с тем чувством, которое таилось в самых глухих уголках его собственного сердца.

Он ревновал. Ревновал к подделке, которой досталось всё внимание и все чувства Цзян Чэна.

— Тошнотворно? — Цзян Чэн посмотрел на разъяренного Су Е, и в его глазах промелькнула печаль. — Но, Су Е, тогда... Я правда считал тебя своим единственным другом.

Цзян Чэн сделал шаг вперед, подошел к экрану, скривившемуся от воздействия демонической энергии, и попытался разглядеть возникшие на нем волны.

— В том холодном реальном мире только ты... Только ты принадлежал мне. Я думал, если создам тебя достаточно совершенным, ты всегда будешь ждать меня там.

— Другом? — Су Е будто услышал самую смешную шутку в жизни.

Он сгреб Цзян Чэна за воротник.

— Цзян Чэн, и это ты называешь дружбой?

Су Е силой притянул Цзян Чэна к себе. Расстояние между ними сократилось до предела, и Цзян Чэн смог разглядеть алый свет, бушующий в глубине его глаз.

— Раз уж я твой единственный друг... — голос Су Е понизился, в нем зазвенела затаенная, доведенная до предела злоба. — Стал бы ты бросать своего друга одного в темноте... на целых три тысячи лет?

Цзян Чэн замер. Его лицо мгновенно стало мертвенно-бледным.

— Три тысячи лет... — пробормотал он. — Но ведь прошло всего три года...

Су Е холодно усмехнулся, отпустил Цзян Чэна и отступил на шаг. Декорации за его спиной начали стремительно меняться.

— Ну да, в реальности прошло три года.

Белоснежные, чистые потоки данных вокруг «Коридора воспоминаний» начали преображаться. Мягкий белый свет будто поглотила невидимая тьма, и освещение быстро потускнело. Парящие вокруг голографические экраны больше не показывали живые, яркие кадры. Они либо покрылись рябью помех, либо погрузились в мертвую тишину.

Температура падала. Загустевший, удушливый воздух накатывал подобно приливу, охватывая сначала ноги, а затем и голову.

— Что происходит? — Цзян Чэн остановился и огляделся.

Атмосфера этого места внушала ему глубокое беспокойство. Это была мертвая тишина, какая бывает после конца света, когда исчезает даже шум движения данных.

— Не помнишь? — стоящий подле него Су Е выглядел пугающе равнодушным.

Он смотрел на темные экраны без страха. В его глазах читалось лишь обычная холодность и скрывающееся под ней глубокое отвращение.

— Это период технического обслуживания после закрытия сервера.

Голос Су Е звучал тихо, но ранил словно лезвие изо льда, вскрывая запечатанную память Цзян Чэна.

Сердце Цзян Чэна сжалось. Закрытие сервера на техобслуживание было и для него самыми темными временами.

Перед ними медленно развернулась огромная, черная как ночь голографическая проекция.

На изображении не было света. Это был тронный зал повелителя демонов, но вовсе не тот, что они видели раньше — освещенный и величественный. Все магические огни погасли. За окном не было ни луны, ни звезд — лишь сплошная, всепоглощающая пустота.

В этой бескрайней тьме едва проглядывался только трон. И тот, кто сидел на нем в полном одиночестве.

— Это... — у Цзян Чэна перехватило горло при виде одинокой фигуры.

Это был Су Е из прошлого. Тогда его только создали, и он лишь недавно обрел первичное сознание. Он восседал на троне с прямой спиной, облаченный в новенькие, еще не тронутые битвой черные доспехи.

В руках он сжимал демонический меч Бездна. Его глаза светились во тьме особым блеском гетерохромии, будто две свечи, упрямо горящие в штормовую ночь.

Он кого-то ждал.

Тогда в него уже загрузили базовое сознание ИИ. Он знал, что его создателя зовут Цзян Чэн,

что человек, который часто приходил к нему раньше — это Цзян Чэн. И теперь он знал, что должен ждать здесь.

Ожидая, Су Е вспоминал своего создателя.

(Воспоминание)

Сражаясь с игроками, Су Е слегка наклонил голову и улыбнулся невероятно нежной улыбкой. Он внимательно слушал болтовню бога, которую мог слышать только он один.

«Су Е, сегодня меня заставляли переписать твои настройки, но я отказался... Тупой начальник ничего не соображает! Ты же самый идеальный повелитель демонов, которого я создал своими руками! Ни за что не стану ничего менять, а если продолжит настаивать — просто уволюсь!»

Картина стремительно сменилась.

На троне Су Е отдыхал с закрытыми глазами. Не успел он их открыть, как до его ушей донесся веселый голос:

«Су Е, Су Е! Слушай, помнишь, я на День святого Валентина придумал дизайн «Уз любви»? Они разлетелись на ура! Ха-ха-ха, я просто гений!»

Су Е медленно открыл глаза, поднял белую изящную руку и призвал «Узы любви». Вглядываясь в свет на своей ладони, он смотрел так мягко, словно это была самая драгоценная вещь.

Однако теплая картина внезапно исказилась и замерцала!

Декорации снова сменились. Игроки сразили Су Е, и его тело начало рассыпаться на мелкие осколки света. Голос Цзян Чэна раздался вновь, но на этот раз в нем звучала невыразимая усталость и беспомощность:

«Су Е... Как было бы хорошо, если бы ты мог быть рядом и разговаривать со мной... Эх, в компании реструктуризация, возможно, придется...»

Су Е замер в процессе распада. Он изо всех сил протянул руку, но не успел дослушать — его тело исчезло.

Когда данные обновились, Су Е снова сидел на троне с закрытыми глазами.

Он медленно разомкнул веки. В холодном пустом зале царила мертвая тишина, а голос Цзян Чэна пропал окончательно. Накатила волна сожаления, и Су Е тихо спросил в глубине души:

«Мой бог, что ты хотел мне сказать?»

...

Вспышка воспоминаний на этом оборвалась.

Над головой Су Е повис алый, режущий глаза таймер:

[Статус системы: оффлайн. Ожидание подключения... Прошло времени: 00:05:00]

Стоя перед огромным голографическим экраном, Цзян Чэн посмотрел на эту картину, и его

голос задрожал от тяжелого чувства вины:

— В тот год... в компании была реструктуризация. Чтобы освободить ресурсы для новой мобильной игры S-класса, весь отдел ПК-игр расформировали. Данные «Рагнарёка» заархивировали, а серверы принудительно отключили.

Цзян Чэн медленно опустил голову, не смея взглянуть в глаза Су Е.

— Я пытался бороться, я даже хотел уволиться в знак протеста... Но всё бесполезно, владельцев интересовали только доходы. Меня перевели в отдел мобильных игр, и я каждый день писал код для донатных помоек...

— Я думал... — Цзян Чэн всхлипнул. — Я думал, это временно. Думал, когда мобильные игры выйдут и принесут деньги, я смогу подать заявку на перезапуск проекта. Я думал, это просто... затянувшийся перерыв... Извини...

— Перерыв?

Су Е холодно усмехнулся. Он не смотрел на Цзян Чэна, пристально вглядываясь в собственное изображение на экране.

Таймер на экране начал отсчет.

День первый. Су Е сидел на троне в изящной и величественной позе. Он смотрел на закрытые двери зала, и его взгляд был полон ожидания. «Может, это просто обычное техобслуживание, — говорил он про себя. — Бог сказал, что вернется. Я буду ждать здесь, чтобы в первую же секунду его входа он увидел меня в лучшем виде». Он даже поправил складки плаща, убеждаясь, что выглядит безупречно с любого ракурса.

День седьмой. Двери все так же заперты, тьма и не думает отступать. Су Е продолжал сидеть, но его пальцы начали непроизвольно постукивать по подлокотнику трона. «Мой бог... Ты столкнулся с неприятностями? Ничего страшного, я подожду».

Прошел месяц, и Су Е больше не мог сидеть на месте. Он поднялся и начал ходить кругами по залу. Звук его шагов эхом отдавался в пустом пространстве, и это был единственный звук, который он слышал. Он подошел к дверям, призвал демонический меч и попытался рассечь их, но всё впустую. С каждым взмахом барьер у входа отбрасывал его назад. Неизвестно, сколько попыток он сделал, прежде чем обессиленно опуститься на пол. Су Е запрокинул голову и посмотрел на свод зала — там не было ни лучика света. За дверью тянулась стена барьера, абсолютная пустота. Он вернулся к трону, обнажил меч и начал протирать клинок. Раз, два, три. Лезвие блестело до блеска, отражая его глаза — все еще полные надежды, но

Уже тронутые первой тревогой.

Прошло сто дней. Су Е перестал чистить меч. Он начал говорить в пустоту.

— Цзян Чэн? Ты здесь? Я сделал что-то не так? В данных ошибка? Почему ты не приходишь исправить меня? Хоть отругай меня, пожалуйста...

Никто не отвечал. Осталось лишь холодное системное уведомление: «Невозможно подключиться».

...

Перед голографическим экраном Су Е смотрел на себя, разговаривающего с пустотой во тьме, и его лицо темнело с каждой секундой.

— Вот идиот, — процедил Су Е сквозь зубы.

Глядя на эту жалкую тень на экране, он сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели, а ногти врезались в ладони.

Время на экране продолжало ускоряться. Цифры сменялись всё быстрее, будто сорвавшийся с тормозов поезд, несущийся в бездну отчаяния.

Один год.

Су Е больше не ходил и не разговаривал. Он свернулся калачиком в углу трона, и его роскошные доспехи покрылись пылью. Он уткнулся головой в колени, словно брошенный в дождливую ночь щенок. Меч, когда-то бывший символом славы, валялся неподалеку, утратив свой блеск.

Он начал делать странные вещи. Пальцами он вычерчивал слова на полу.

Хотя обсидиановый пол считался неразрушимым материалом, из-за его упорства день за днем, год за годом система засчитала износ.

Камера приблизилась, и Цзян Чэн увидел этот участок пола.

Там глубоко, в несколько слоев, были вырезаны два слова, которые черта за чертой глубоко врезались в камень: «Цзян Чэн. Цзян Чэн. Цзян Чэн».

Некоторые слова были выведены аккуратно — с тоской; другие — наспех, с досадой; а третьи — яростно, с... ненавистью.

Три года.

Су Е давно не двигался. Его взгляд стал рассеянным, потому что долгая тьма и одиночество начали разрушать логическое ядро.

У него начались галлюцинации. Иногда он вскакивал с места, бежал к дверям и кричал: «Ты вернулся!». Замирал, обнимая воздух, и на его лице расцветала безумная радость. Но в следующую секунду улыбка застывала — в руках было пусто, ничего.

Он падал на колени, издавая дикий, нечеловеческий вопль:

— А-а-а-а! Почему! Почему я тебе не нужен! Ты же говорил, что я лучший... Я ведь правда лучший...

Он начал калечить себя: полосовал кинжалом руки, наблюдая, как струится красная кровь. Только эта боль позволяла ему убедиться, что он все еще существует, что он не просто забытая строчка кода.

— Прости! Су Е... прости меня!

Цзян Чэн больше не мог на это смотреть. Он закрыл лицо руками, и слезы потекли сквозь пальцы. Эти кадры резали его без ножа. Он и помыслить не мог, что за эти три года в мире, который он считал просто замороженными данными, происходил такой кошмар.

Глядя на себя, такого безумного, униженного до предела, истерзанного из-за ожидания одного-единственного человека, Су Е испытывал небывалый стыд.

Это было прошлое, которое он отчаянно хотел стереть, но которое въелось в память навечно.

— Жалкое зрелище, — голос Су Е был холоднее льда. — Отвратительное.

В руке Су Е мгновенно сгустился демонический меч Бездна. Не колеблясь ни секунды, он сжал рукоять обеими руками и с силой обрушил клинок на огромную голографическую проекцию!

— Заткнись!

Бум!

Черная волна энергии прошла насквозь, рассекая проекцию пополам. Истязавший себя Су Е на экране тут же рассыпался на тысячи световых точек.

Но это не принесло никакого результата, ведь память нельзя убить. Осколки света немного покружились в воздухе, снова собрались вместе и превратились в фигуру, свернувшуюся на троне.

— Ха... ха-ха...

Су Е опирался на меч, тяжело дыша и издавая нервный хохот.

— Не уничтожить... Даже эти воспоминания не уничтожить...

Он повернул голову, и его налитые кровью разноцветные глаза уставились на Цзян Чэна. Алый свет в них вспыхнул с новой силой, почти поглотив золотой остаток разума.

— Я ненавижу его, — Су Е ткнул пальцем в экран, и его голос звучал сипло, с вьёвшейся в кости желчью. — Ненавижу это ничтожество, умевшее только ждать. Ненавижу дурака, который возложил все надежды на другого человека.

Су Е шаг за шагом приближался к Цзян Чэну, пока не загнал того в угол.

— Но еще больше я ненавижу... — Су Е протянул руку, сгреб Цзян Чэна за воротник и приподнял его. — Еще больше я ненавижу тебя... сделавшего его таким.

Цзян Чэн едва не задыхался, но не сопротивлялся. Он смотрел в глаза Су Е, полные боли и ненависти, и чувствовал лишь бесконечное раскаяние.

— Прости... — выдавил Цзян Чэн ломающимся голосом. — Я правда... не знал... Я думал, это просто заморозка данных на три года...

— Три года? — Су Е будто услышал дикую шутку.

Он резко разжал пальцы, и Цзян Чэн упал на пол.

Су Е присел на корточки, и их взгляды оказались на одном уровне. Его глаза стали пугающе, невероятно спокойными.

— Цзян Чэн, это мир, который ты создал. Ты должен лучше всех знать его глубинную логику.

Су Е поднял палец перед лицом Цзян Чэна.

— Чтобы добиться своей чертовой эпичности, ты прописал в основном коде один параметр: соотношение скорости времени 1 к 1000, — чеканил каждое слово Су Е.

— Это значит... — Су Е наклонился к самому лицу Цзян Чэна, глядя, как расширяются его зрачки. — Пока ты снаружи проводил три года с другими своими сынками... Я в этой могиле, где нет ни света, ни звука...

Голос Су Е опустился до шепота, тяжелого, словно гора:

— ...провел в полном одиночестве... Миллион дней. Целых три тысячи лет.

Три тысячи лет.

Эта цифра оглушила Цзян Чэна подобно удару грома, выбив почву у него из-под ног.

Да, теперь он вспомнил. Это была настройка, которую он сам создал ради эпичности.

Но он забыл. Забыл, что в заброшенном мире во время закрытия сервера этот параметр продолжал работать.

Три тысячи лет. Один. Во тьме.

Это было не ожидание. Это была казнь, пытка в тысячи раз страшнее медленной смерти. И всё из-за одной строчки кода, набранной им мимоходом.

— Три... три тысячи лет...

Цзян Чэн дрожал всем телом, его лицо стало белым как бумага.

Наконец-то он понял, почему Су Е сошел с ума, почему он обрел самосознание, почему питал к нему такую глубокую ненависть и одновременно такую дикую привязанность.

Любой человек, запертый во тьме на три тысячи лет, превратился бы в безумца или монстра. Но Су Е не свихнулся окончательно лишь потому, что все эти три тысячи лет его держало единственное имя — Цзян Чэн.

— Теперь ты понял? — Су Е поднялся и посмотрел свысока на окончательно сломленного Цзян Чэна. В его взгляде больше не было ярости, словно осталась лишь пустая равнина после бури.  
— Одно легкое «прости»... может списать три тысячи лет заключения?

Су Е повернулся к Цзян Чэну спиной и уставился на продолжавший светиться голографический экран.

— Цзян Чэн. Твоя божественная любовь к людям... слишком дешево стоит.